

юрисдикції (універсального та персонального) безумовне може викликати до життя конфлікт юрисдикції декількох держав.

Таким чином, потребує врегулювання порядок вирішення конфлікту юрисдикцій, який пов'язаний з встановленням а) питання про місце (державу) притягнення особи до кримінальної відповідальності, б) питання про застосуване право – кримінальне і кримінально-процесуальне, та відповідно в) про кримінально-процесуальну процедуру, відповідно до якої не лише особа має притягуватися до відповідальності, але й повинні збиратися докази її винуватості (невинуватості). Вирішенню цієї проблеми, на нашу думку, має сприяти інститут розв'язання колізії кримінально-процесуальної юрисдикції, яка має вирішуватися процесуальними та міжнародно-правовими засобами.

Зелинская Н. А.

*Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
профессор кафедры международного права и международных отношений,
доктор юридических наук, профессор*

К ВОПРОСУ О «КВАЗИЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ» АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ РЕЗОЛЮЦИЯХ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Транснациональная преступность во многих ее проявлениях представляет собой реальную угрозу международному миру и безопасности. На рубеже XX и XXI столетий эта фраза, используемая в международно-правовом контексте, перешла из разряда научной и политической риторики в констатацию особой ситуации, которая охватывается главой VII Устава ООН («Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии»), что влечет за собой чрезвычайно серьезные правовые и политические последствия.

С 90-х годов прошлого века заметное место в глобальном правовом режиме противодействия транснациональной преступности занимает серия резолюций Совета Безопасности, которые были приняты на основании главы VII, наделяющей Совет Безопасности правом принимать резолюции, которые являются юридически обязательными для всех государств – членов Организации Объединенных Наций. Важным элементом борьбы с международным терроризмом стали резолюции Совета Безопасности ООН, содержащие санкции против частных лиц и корпораций и налагающие на государства обязательства общего характера.

Первые резолюции, содержавшие ссылку на главу VII Устава ООН в отношении проявлений транснациональной преступности, были связаны с возрастающей террористической угрозой. В частности, резолюции 1997 и 1998 годов налагали финансовые и иные ограничения в отношении В частности, в резолюцией 1196 (1998), принятой 16 сентября 1998 года Совет Безопасности, призвал каждое государство «рассмотреть вопрос о принятии законов или других правовых мер, квалифицирующих нарушение вводимых Советом эмбарго на поставки оружия уголовным преступлением» (UN Doc. S/RES/1196

(1998)). Эта резолюция стала прямым «вторжением» в сферу материального транснационального уголовного права, непосредственно затронув проблематику транснациональной криминализации. Названные резолюции положили начало новой стратегии Совета Безопасности ООН, которая была вскоре реализована в отношении движения «Талибан» и организации «Аль-Каида». (UN Doc. S/RES/1267 (1999); UN Doc. S/RES/1333 (2000); UN Doc. S/RES/1333 (2000); UN Doc. S/RES/1363 (2001)).

Особое значение приобрела Резолюция 1373 (2001), принятая 28 сентября 2001 года, налагавшая на государства обязательства общего характера. Действуя на основании главы VII Устава ООН, Совет Безопасности выразил свое безоговорочное осуждение террористических нападений, которые были совершены 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, Вашингтоне (округ Колумбия) и Пенсильвании и заявил, что такие действия, как и любой акт международного терроризма, представляют собой угрозу для международного мира и безопасности (UN Doc. S/RES/1373 (2001)). Резолюция 1373 содержит два обязательства в отношении установления уголовной ответственности за финансирование терроризма. Первое относится к финансированию террористических актов, второе – к финансированию террористов. Таким образом, в этой резолюции Совет Безопасности впервые ввел в отношении всех государств-членов Организации Объединенных Наций бессрочные обязательства по криминализации определенных деяний, а также совершенствованию и активизации мер международного сотрудничества в противодействии терроризму. Несмотря на то, что эта резолюция была принята в ответ на террористические акты, совершенные 11 сентября 2001 года в Соединенных Штатах, предусмотренные в ней меры значительно шире и не ограничиваются конкретной конфликтной ситуацией. Эти меры носят общий характер и направлены на предотвращение любых действий по финансированию и поддержке терроризма, преследование и наказание за них, а также в значительной степени на сотрудничество в области уголовного правосудия. По существу, такие меры представляют собой установление Советом Безопасности новых обязательных норм международного права, которые не имеют ни временных, ни географических ограничений и относятся к любому террористическому акту в любом регионе мира (См.: Elberling B. The ultra vires character of legislative action by the Security Council in International Organizations Law Review. – Vol. 2. – 2005. – P. 337 – 360).

Несмотря на то, что Устав ООН не содержит положений относительно права Совета Безопасности принимать подобные решения, государства не выразили прямых возражений против Резолюции 1373 и ее предположительно законодательного характера. Эмоциональный шок, вызванный атаками 9/11, вполне объясняет нежелание государств высказывать в сложившейся ситуации абстрактные опасения по поводу осуществления Советом нормативных полномочий (Bianchi A. Assessing the Effectiveness of the UN Security Council's Anti-terrorism Measures: the Quest for Legitimacy and Cohesion // The European Journal of International Law. – Vol. 17. – № 5. – 2006. – P. 884). Трагические события 11 сентября 2001 года стали катализатором создания новых юридических парадигм в национальных и международной правовых системах (Donnelly E. Raising Global Counter-terrorism Capacity: the Work of the Security Council's Counter-terrorism Committee // September 11, 2001: a Turning Point in International and Domestic Law / Ed. by P. Eden, T. O'Donnell. – 2005. – P. 757 – 779).

Резолюция 1373 (2001) и последовавшие за ней антитеррористические резолюции, содержащие ссылку на главу VII Устава ООН Совета Безопасности и создающие нормативные обязательства для государств-членов ООН, дали основания утверждать, что борьба с терроризмом «затрагивает фундаментальные положения международного права» (Marschik A. *The Security Council's Role: Problems and Prospects in the Fight against Terrorism // International Cooperation in Counter-Terrorism: the United Nations and Regional Organizations in the Fight against Terrorism / Ed. by G. Nesi. – 2006. – P. 69 – 80*), в том числе, касающиеся процесса нормообразования. Наиболее очевидным проявлением нормотворческой деятельности Совета Безопасности стала резолюция 1450, «Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые террористическими актами», принятая 28 апреля 2004 года. В этой резолюции, Совет Безопасности, действуя на основании главы VII Устава ООН, в числе прочего, постановил, что «все государства в соответствии со своими национальными процедурами принимают и эффективно применяют соответствующие законы, запрещающие любому негосударственному субъекту производить, приобретать, обладать, разрабатывать, перевозить, передавать или применять ядерное, химическое или биологическое оружие и средства его доставки, в особенности в террористических целях, равно как и попытки участвовать в любых из вышеупомянутых действий, участвовать в них в качестве сообщника, оказывать им помощь или финансирование». Знаменательно, что данная резолюция не явилась ответом на угрозу, созданную конкретным террористическим актом. Резолюция создает правовую норму общего характера, то есть норму, направленную к неопределенным адресатам и способную к неоднократному применению в течение неопределенного времени (Bianchi A. *Assessing the Effectiveness of the UN Security Council's Anti-terrorism Measures: the Quest for Legitimacy and Cohesion // The European Journal of International Law. – Vol. 17. – № 5. – 2006. – P. 884*).

К принятию «квазизаконотворческих» актов Совет Безопасности подтолкнула необходимость эффективного и быстрого ответа на возрастающую угрозу терроризма – одного из самых опасных проявлений транснациональной преступности. В данном случае транснациональное уголовное право опирается на фундамент главы VII Устава ООН. Однако насколько прочен этот фундамент, и насколько правомерно его использование? Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, весьма неоднозначен. С одной стороны, приходится признать, что Совет Безопасности не может претендовать на роль «всемирного законодателя»: глава VII Устава ООН не является надлежащим правовым основанием для квазизаконотворческой деятельности. С другой стороны, не вызывает сомнения, что стремительно возрастающие масштабы и опасность транснациональной преступности позволяют рассматривать ее как угрозу международному миру и безопасности, требующую нестандартных и оперативных мер реагирования. Такие меры могут приниматься Советом Безопасности на основании главы VII Устава ООН, однако они не должны носить квазизаконотворческого характера: их принятие может связано только с конкретными ситуациями, представляющими угрозу международному миру и безопасности, и не должно создавать правовую норму общего характера.